

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2-4

DOI 10.18522/1995-0640-2024-4-10-19

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ НАКАЗАНИЯ В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

Максим Сергеевич Агафонцев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Аннотация. Дается характеристика лингвистических особенностей реализации коммуникативного акта угрозы и речевого сопровождения акта наказания в семейном дискурсе. Исследуются лексические единицы, а также фразеологические выражения, обозначающие вербальное и/или физическое наказание в семье. На основе социолингвистического исследования описываются особенности бытования лексики и фразеологии наказания в семье, ее представленность как узуальными единицами, так и неологизмами, отличающимися компонентным составом и семантическими особенностями употребления.

Ключевые слова: лексика, фразеология, семейный дискурс, вербальное наказание, физическое наказание, угроза

Для цитирования: Агафонцев М. С. Характеристика лексики и фразеологии наказания в семейном дискурсе // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 10–19.

Original article

CHARACTERISTICS OF THE VOCABULARY AND PHRASEOLOGY OF PUNISHMENT IN FAMILY DISCOURSE

Maxim S. Agafontsev

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. The article defines the extralinguistic features of the implementation of the communicative act of threat and punishment in family discourse. The lexical units are under analysis, as well as phraseological expressions denoting verbal and/or physical punishment in the family. On the basis of sociolinguistic research, the features of the existence of vocabulary and phraseology of punishment in the family are described, its representation by both customary units and neologisms, differing in component composition and semantic features of their usage.

Key words: vocabulary, phraseology, family discourse, verbal punishment, physical punishment, threat

For citation: Agafontsev M. S. Characteristics of the vocabulary and phraseology of punishment in family discourse // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 4. P. 10–19.

Введение

Изучение взаимоотношений между участниками различных социальных групп является одной из актуальных задач современных научных исследований, подчеркивающих антропоцентрический характер языка. Об этом свидетельствует возросшее число изысканий, направленных на всестороннее познание субъектов в различных областях науки, что подтверждается исследователями [Абрамовских, Иванян, Кальнова, 2016]. Отметим, что система отношений между членами общества выстроена таким образом, что одни субъекты успешно добиваются поставленных целей в рамках определенной коммуникативной ситуации, а другие – претерпевают коммуникативную неудачу, становятся объектом негативного воздействия со стороны реципиента, что усложняет со стороны обоих участников процесса достижение целей.

Как положительное, так и негативное воздействие на объект в любой коммуникативной ситуации может быть в двух формах: вербальной и физической. Выбор формы воздействия на объект в большинстве случаев зависит от коммуникативных намерений говорящего, а также от ситуации, в которой реализуются интенции. Российский лингвист Т. А. Чеботникова подчеркивает еще один значимый компонент в каждой ситуации общения – социальную роль человека. Субъект речи создает для себя определенный образ, в соответствии с которым происходит выбор методов, форм взаимодействия с реципиентом [Чеботникова, 2011]. При этом, как отмечает исследователь, происходит постановка коммуникативных задач, выполняемых адресантом в момент общения.

Отечественный ученый Л. П. Крысин, говоря о факторах формирования и протекания коммуникативного процесса, уделяет значительное внимание средствам общения, характерным для каждой социальной роли человека, которая напрямую влияет на выбор тех или иных форм вербального и физического воздействия на объект речи [Крысин, 1976]. Благодаря подобным формам участник коммуникативной ситуации подает сигналы о его отнесенности к определенной социальной роли, группе.

Опираясь на работу Т. Б. Назаровой, заметим, что высказывания далеко не всегда характеризуются рациональностью использования речевых средств. К проявлениям нерациональности речи относится неучет определенных индивидуальных качеств собеседника, что также может привести к коммуникативной неудаче и даже возникновению конфликтных ситуаций [Назарова, 2022]. В свою очередь, конфликтные ситуации предполагают столкновение интересов участников коммуникации, а невыполнение условий одного из них может привести к наказанию провинившегося, выступающему как вербальное, так и физическое средство воздействия на объект. На это во многом влияют эмоциональное состояние участников общения, их роль, коммуникативная ситуация, ее цели. Все перечисленные компоненты характерны для различных дискурсов, диктующих правила речевого поведения его участников, в том числе в рамках ситуации наказания.

В настоящем исследовании рассмотрим дискурс, в котором активно реализуется система вербального и физического наказания объекта, – семейный. Цель статьи – определить особенности употребления в семейном дискурсе лексики и фразеологии наказания с точки зрения семантической и структурной организации выявленных языковых единиц. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лексической и фразеологической

представленности акта угрозы и речевого сопровождения наказания в семье, а также особенностей их применения.

В качестве метода исследования определим анкетирование, являющееся способом социолингвистического изучения процессов вербального взаимодействия членов социума. Материалом для исследования выступили выявленные лексемы и фразеологические единицы (ФЕ), семантически восходящие к коммуникативному акту угрозы, вербальному и физическому наказанию.

Вопросы реализации взаимоотношений между членами семьи рассматриваются как объект нескольких научных областей: в исследованиях психологов [Антонян, 2023; Батыршина, Шарафиева, 2023; Тимашева, 2017], социологов [Борцов, 2016; Никовская, 2006], языковедов [Анохина, Кравченко, 2018; Байкулова, 2006; Бондаренко, 2010; Ростовская, Васильева, 2022; Робустова, 2023] и др. Ученые рассматривали процесс общения между участниками коммуникации, связанными друг с другом родственными отношениями, в различных научных областях. Отмечается также, что семья представляет собой отправную точку процесса социализации человека, в том числе с позиции его отношения к наказанию как к явлению [Завражин, Фомина, 2021].

Рассмотрим особенности реализации коммуникативного акта угрозы и речевого сопровождения акта наказания в семейном дискурсе.

Исследование и его результаты

С целью выявления языковых единиц, из которых состоит коммуникативный акт угрозы и которыми сопровождается процесс наказания в семье, нами было инициировано социолингвистическое исследование, включающее в себя анкетирование. В качестве респондентов выступили 268 представителей учащейся молодежи – студентов с 1-го по 4-й курс Самарского государственного социально-педагогического университета. Испытуемые являлись представителями преимущественно 4 факультетов: филологического, исторического, начального образования, физической культуры и спорта. Данная выборка факультетов неслучайна, поскольку одним из критериев дальнейшего анализа полученных результатов выступает принадлежность респондентов к направлению образовательной деятельности, предполагающему более глубокие знания в области лексики и фразеологии языка (филологический факультет, факультет начального образования), а также к специальности, для которой знание данных категорий языка факультативно (исторический факультет, факультет физической культуры и спорта). Возраст испытуемых варьировался в пределах 18–26 лет.

С помощью платформы «Яндекс.Формы» респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов, раскрывающих особенности реализации наказания в их семье либо в других знакомых семьях. В данном случае значительную роль сыграла актуализация тех жизненных ситуаций, которые происходили с ними в детстве, а также наблюдаются в настоящее время, где в качестве объекта наказания выступают родственники/знакомые младшего возраста, занимающие положение провинившегося.

Анкета содержала в себе следующие вопросы, на которые испытуемые должны были дать развернутый ответ:

- 1) *укажите ваш факультет;*
- 2) *подвергались ли вы наказанию в детстве со стороны родителей или других родственников;*
- 3) *вспомните, использовали ли в речи ваши родители или родственники при наказании фразеологические обороты? Например, я тебе **покажу сейчас**,*

где раки зимуют. Если такие выражения имели место, то укажите, какие конкретно языковые единицы были употреблены? (исключая обсценную лексику);

4) сталкивались ли вы в других семьях с использованием устойчивых выражений применительно к провинившемуся человеку? Если да, то какие это были выражения? Например, *спустить шкуру, выбить дурь из головы* и т. д.

Социолингвистическое изыскание проводилось на протяжении 5 дней, после чего нами были обработаны полученные результаты. В настоящей статье будем опираться на лексику и ФЕ, как реализующие акт угрозы, так и сопровождающие наказание. Перечислим указанные респондентами языковые единицы, которые были отмечены в качестве активных в употреблении субъектом наказания в своей или другой семье, и обобщим результаты исследования, выделив выражения, характерные для разных категорий семей: *выбить дурь из головы, убил(а) бы тебя, показать кузькину мать, показать, где раки зимуют, получить ... ; задать жару, выдрать как сидорову козу, научить тебя ... ; голову оторвать; мозги вправить; спустить шкуру, придушить от большой любви, задать по пятое число, показать райскую жизнь.*

Отметим, что данные единицы отличаются частотностью употребления. Так, наиболее часто употребляемым выражением стал фразеологизм *выбить дурь из головы*, его назвали 24 % опрошенных. При этом доля представителей разных факультетов, отметивших ФЕ в речи семей, приблизительно равная, что говорит об активном использовании выражения как маркера наказания, что было актуализировано в языковом сознании респондентов, обучающихся на различных направлениях подготовки.

Наиболее популярными выражениями, отражающими особенности акта угрозы и наказания, стали *показать кузькину мать* (18 % опрошенных), *показать, где раки зимуют* (11 %), *задать жару* (8 %), *выдрать как сидорову козу* (7 %), наименее популярными – фразеологизмы *оторвать голову* (3 %), *мозги вправить* (3 %), *спустить шкуру* (3 %).

Стоит отметить, что в качестве респондентов, указавших наибольшее количество фразеологизмов при ответе на вопрос об использовании выражений, сопровождающих наказание в семье, выступили студенты филологического факультета (83 % всех студентов факультета, принявших участие в исследовании), а также факультета начального образования (71 %). Это может быть связано с определенной языковой картиной участников исследования, позволяющей актуализировать ФЕ и активно использовать их в речи, заменяя одно выражение другим. Студенты исторического факультета и факультета физической культуры и спорта относятся к респондентам, указавшим наименьшее число фразеологизмов при ответе на вопросы (47 и 24 % соответственно).

Одной из особенностей, выявленных в результате проведенного социолингвистического исследования, стало наличие в речи семей респондентов выражений, отличающихся от узуальных ФЕ. Их употребление в рамках исследования единично: *придушить от большой любви* (0,4 %, или один респондент), *показать райскую жизнь* (0,4 %), *задать по пятое число* (0,4 %). Наличие подобных выражений свидетельствует о деформации фразеологизмов, легших в основу выявленных языковых единиц. Это, в свою очередь, предоставляет возможность уже закрепленным в языке выражениям приобрести новый смысл, который может усиливать уже имеющийся. Российский исследователь в области лексики О. В. Мурдускина определяет такой смысл как имплицитно выраженный [Мурдускина, 2015].

К деформированным выражениям в настоящем исследовании отнесем ФЕ *показать райскую жизнь* и *задать по пятое число*. Рассмотрим первую единицу. Выражение может соотноситься с такими узуальными ФЕ, как *показать, где раки зимуют* или *показать кузькину мать*. В данном случае глагольный компонент *показать* имеет значение «проучить кого-л., отомстить за что-л.» [Большой академический словарь ... , 2011, с. 358]. Такая семантика становится характерной для всех подобных фразеологизмов, содержащих данный глагол, выражающих угрозу или сопровождающих наказание. Компоненты *райская* и *жизнь* в данном случае представляют собой сочетание слов, образующих знатносемию, которая основана на противоположности их семантики. «Большой академический словарь русского языка» определяет лексему *райский* как «до-ставляющий радость, удовольствие; благодатный» [Большой академический словарь ... , 2013, с. 560]. Таким образом, в структуре рассматриваемой ФЕ компонент *райская* приобретает противоположное значение, основанное на его ироническом переосмыслении и сигнализирующее о намерениях субъекта причинить объекту наказания вред, создать невыносимые условия жизни.

Ироническое переосмысление семантики наблюдаем и в выражении *придушить от большой любви*, в котором глагольный компонент *придушить* соотносится с сочетанием *большая любовь*, что создает одновременно определенный комический эффект, а также выражает речевой акт угрозы по отношению к объекту. При этом сочетание *большая любовь* указывает на тесную связь участников коммуникации, что является отличительной чертой семейного дискурса, в котором выражение и реализуется. Заметим, что по результатам исследования *придушить от большой любви* нельзя назвать деформированным фразеологизмом, поскольку в языке отсутствует закреплённое выражение с каким-либо из этих компонентов, реализующих семантику угрозы или наказания. Однако рассматриваемое выражение выступает как активная единица фразеологического состава носителей языка отдельно взятой семьи.

Особый интерес с точки зрения мотивировки употребления, а также характеристики структурных элементов выражения вызывает фразеологизм *задать по пятое число*, указанный одним респондентом в качестве элемента вербальной реализации процесса наказания в семье. Выражение представляет собой деформированную ФЕ *задать (всыпать) по первое число* и может быть определено как фразеологическая трансформация (ФТ) [Давлетбаева, 2012]. К этой категории относятся фразеологизмы, которые по тем или иным причинам были подвергнуты лексическому или синтаксическому изменению. Все ФТ в работе Д. Н. Давлетбаевой классифицируются по видам. Фразеологизм *задать по пятое число* отнесем к лексическим вариантам трансформаций. Об этом свидетельствует замена одного числового компонента на другой (*первое* = *пятое*), что при этом сохраняет исходную семантику выражения.

Рассмотрим историю возникновения исходного выражения и его анализируемого трансформанта. В первую очередь обратимся к его значению. По «Фразеологическому словарю русского литературного языка» выражение *задать (всыпать) по первое число* означает «жестоко наказывать, отругать кого-либо» [Федоров, 2008, с. 105]. Особый интерес вызывает мотивировка употребления числового компонента выражения, что также определено и закреплено в лингвистической русистике. Обратимся к «Словарю русской фразеологии», в котором находим ФЕ *всыпать по первое число* [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998]. В качестве толкования происхождения выражения авторы опираются на исторический факт, связанный с реализацией процесса наказания в образовательных учреждениях дореволюционной России, в которых не

только провинившихся, но и порядочных учеников секли розгами или пороли другими подходящими для этого предметами. В этом заключался воспитательный компонент, а силы его действия хватало до первого числа следующего месяца. Однако выявленное в результате проведенного социолингвистического исследования выражение, очевидно, имеет иную мотивировку употребления компонента *пятый*.

Обратимся к интернет-порталу «Большой вопрос», на котором находим обсуждение темы появления и закрепления в русском языке ФЕ *здать по первое число* [URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/>]. Один из участников дискуссии считает, что выражение имеет вариативную форму бытования в русском языке – *здать по пятое число*, которая и была отмечена испытуемым в проведенном нами анкетировании. Пользователи портала предполагают, что появление в языке данной формы связано с ошибочным употреблением исходного выражения *здать по первое число*, смешанного при этом с эвфемизмом *пятая точка*. Контаминация языковых единиц в данном случае может опираться на более сдержанное наименование места удара в процессе реализации физического наказания. Как отмечается в «Словаре эвфемизмов русского языка», пятая точка – это обозначение ягодиц, фигурирующее вместо их прямого наименования [Иванян, 2021].

Изменение числового компонента фразеологизма носителем языка может быть мотивировано несколькими причинами. Однако точное их определение в настоящее время затруднительно. Вместе с тем наличие подобной ФЕ в социолингвистическом исследовании в рамках настоящей статьи побуждает нас к проведению дополнительного анкетирования, связанного непосредственно с потенциальными причинами изменения числового компонента выражения. Изучим данные анкетирования.

Испытуемыми выступили 216 студентов СГСПУ, возраст которых варьировался от 18 до 22 лет. В исследовании приняли участие студенты филологического факультета и факультета математики, физики и информатики. Респондентам предлагалось ответить на 5 вопросов, которые позволили бы нам определить потенциальную мотивировку замены числового компонента в выражении *здать по пятое число*.

При ответе на первый вопрос, *как вы понимаете выражение «здать по пятое число»*, 100 % опрошенных верно определили его семантику, которая восходит к значению *сильно отругать, наказать*. 32 % испытуемых отнесли анализируемое выражение к вербальному наказанию, что отразилось в приведенных ими толкованиях: *отругать, очень сильно отругать, отругать за что-либо, дать нагоняй, проучить* и др.

Второй вопрос звучал следующим образом: *используете ли вы это выражение в своей речи?* При анализе ответов выяснилось, что 37 % респондентов употребляют в речи фразеологизм *здать по пятое число*, однако это может быть связано с неразличением исходного выражения *здать по первое число* и деформированного. Не используют в обиходе выражение 14 % опрошенных. И только 49 % отметили схожесть сочетания с узуальным фразеологизмом *здать по первое число*, что нашло свое отражение в ответах: *употребляю только **здать по первое число**, вместо **пятого** говорю **первое число*** и т. д.

Схожая тенденция наблюдается и при анализе ответов на третий вопрос – *слышали ли вы от других людей этот фразеологизм?* Доля опрошенных, кто ответил утвердительно, составляет 17 %, однако здесь также не следует исключать факт ошибочного смешения выражения с узуальной единицей. 20 % респондентов не слышали в речи других носителей языка подобный фразео-

логизм. 63 % испытуемых слышали только фразеологизм *здать по первое число*.

Особый интерес при анализе мотивировки употребления трансформанта вызывает четвертый вопрос: *как вы считаете, какую роль в выражении играет слово «пятый»?* В качестве ответа респондентами было указано несколько вариантов, которые, по их мнению, позволяют определить причины замены компонента *первый* (в узуальном выражении) на *пятый* (в ФТ). Полученные данные отражены в таблице.

Предполагаемая мотивировка замены числового компонента ФЕ

Предполагаемая мотивировка	Количество респондентов, %
Контаминация с эвфемизмом <i>пятая точка</i>	68
Указание на срок наказания	21
Масштаб наказания	4
Количество подходов физического воздействия	3
Уровень реализации наказания	2
Ошибка в лексическом составе ФЕ	2

Большинство (68 %) отмечает, что в данном случае играет значительную роль эвфемистическое выражение *пятая точка*, которое соотносится с наименованием места физического воздействия на объект наказания, что также подтверждается результатами исследования общественного мнения в информационной среде. Срок наказания, который может фигурировать в речи субъекта и отражаться таким образом во фразеологизме, назвал 21 % респондентов. Наименьшая часть опрошенных выдвинули предположения о масштабе наказания, количестве подходов физического воздействия, уровне реализации. В качестве версии выступила и ошибка, связанная с употреблением неверного лексического состава выражения, что и способствовало закреплению его в русском языке.

Пятый вопрос анкеты – *какой фразеологизм-синоним вы можете подобрать к указанному выражению* – также продемонстрировал верное толкование значения ФЕ, что отразилось в приведенных синонимичных лексических и фразеологических единицах: *отчихвостить, расчесать, устроить взбучку, задать жару, дать по шапке, показать кузькину мать* и др. Вместе с тем в ряду таких выражений был указан фразеологизм *здать (всыпать) по первое число*, что подтверждает различие носителями языка узуальной ФЕ и ее трансформированного варианта и закрепление первой в языковом сознании большинства опрошенных.

Проведенное социолингвистическое исследование подчеркивает роль фразеологизмов как средства вербальной реализации процесса наказания. Значительное количество указанных респондентами ФЕ в семейном дискурсе позволяет говорить об их активном использовании в качестве средства выражения намерений говорящего по отношению к провинившемуся объекту наказания. Этому способствует возможность употребления готовой языковой единицы, семантика которой будет понятна одновременно обоим участникам коммуникации. С помощью фразеологизма появляется возможность выразить оценку осуществленного с разной степенью интенсивности действия субъекта, что является частью воспитательного компонента наказания, характерного для семейного дискурса.

Помимо фразеологических единиц респондентами были указаны и лексемы наказания *убил(а) бы ... ; получить ... ; научить ...*, которые являются составными элементами синтаксических конструкций, строящихся по модели «глагол воздействия + сочетание, обозначающее причину наказания». Например, *получишь у меня за свое поведение* или *научу сейчас тебя с родителями разговаривать*. Подобные высказывания употребляются, как правило, в качестве угрозы, поскольку не несут в себе указания на физическое воздействие на объект. В то же время лексема *убить*, уже содержащая данное указание, также относится к единицам с переносным значением, поскольку в случае проведенного нами исследования не несет непосредственного намерения физической расправы.

Заключение

Семейный дискурс характеризуется наличием в нем воспитательного компонента, призванного так или иначе исправить поведение провинившегося объекта и воздействовать на него при этом с помощью как вербальных средств, так и физических. Подобная цель ставится и субъектом наказания, реализующим такой вид воздействия.

Процесс наказания, как показало проведенное социолингвистическое исследование, зачастую может характеризоваться употреблением фразеологических оборотов. Это предоставляет субъекту наказания возможность выразить свои намерения с использованием готовых языковых единиц, семантика которых одновременно понятна и субъекту, и объекту. Однако употребление тех или иных ФЕ зависит и от общей языковой культуры, традиций в каждой семье. Об этом свидетельствуют не закреплённые в русском языке выражения, характерные для незначительного количества носителей русского языка. К таковым могут быть отнесены и трансформанты, созданные на основе узального выражения (в рамках настоящего исследования это такие выражения, как *показать райскую жизнь, задать по пятое число, придушить от большой любви*). Трансформация каждого представленного фразеологизма вызвана рядом причин, что диктует необходимость продолжения лингвистических изысканий для более полного и точного их определения.

Список источников

Абрамовских Е. В., Иванян Е. П., Кальнова О. И. Антропоцентризм в языке и литературе (по итогам научно-методологических конференций и семинаров) // Научный диалог. 2016. № 6. С. 264–267.

Анохина В. С., Кравченко О. В. Разговоры с детьми: стратегии и тактики речевого поведения // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12. С. 66–70.

Антонян Ю. М. Насилие в семье. М.: Проспект, 2023. 232 с.

Байкулова А. Н. Речевое общение в семье : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 24 с.

Батыршина А. Р., Шарафиева И. И. Семья как социально-психологический феномен: теоретико-психологический аспект // Гуманизация образования. 2023. № 1. С. 137–146.

Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справочник / под ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Большой академический словарь русского языка / под ред. А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2011. Т. 18. 772 с.

Большой академический словарь русского языка / под ред. А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2013. Т. 22. 744 с.

Бондаренко Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Борцов Ю. С. Социализация детей в нуклеарных семьях: проблемы внутрисемейной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 7. С. 26–29.

Давлетбаева Д. Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2012. 45 с.

Завражин С. А., Фомина М. М. Некоторые проявления мстительного поведения в педагогическом дискурсе // Интеграция образования. 2021. № 25. С. 273–287.

Иванян Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, 2021. 464 с.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.

Мурдускина О. В. Деформация фразеологических единиц как средство актуализации потенциального значения слова // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11. С. 72–74.

Назарова Т. Б. Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2022. № 3. С. 117–126.

Никовская Л. И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта // Социол. исследования. 2006. № 9. С. 79–85.

Робустова В. В. Информационное варьирование в структуре значения имени собственного // Вестн. Московского ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 85–95.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 27. С. 236–248.

Тимашева Л. В. Особенности общения в современной семье // Logos et Praxis. 2017. № 4. С. 113–118.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

Чеботникова Т. А. Социальная роль и речевое поведение личности: инвариант и варианты // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 8. С. 104–116.

References

Abramovskikh E. V., Ivanyan E. P., Kalnova O. I. (2016). Anthropocentrism in language and literature (based on the results of scientific and methodological conferences and seminars). *Scientific Dialogue*, no. 6, pp. 264-267. (In Russian).

Anokhina V. S., Kravchenko O. V. (2018). Conversations with children: strategies and tactics of speech behavior. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, no. 12, pp. 66-70. (In Russian).

Antonyan Yu. M. (2023). *Domestic violence*. Moscow, Prospect, 232 p. (In Russian).

Batyrshina A. R., Sharafieva I. I. (2023). Family as a socio-psychological phenomenon: theoretical and psychological aspect. *Humanization of Education*, no. 1, pp. 137-146. (In Russian).

Baykulova A. N. (2006). *Speech communication in the family*. Dissertation Thesis. Saratov, 24 p. (In Russian).

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. (1998). *Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book*. V. M. Mokienko (Ed.). St. Petersburg, Folio Press, 704 p. (In Russian).

Bondarenko E. V. (2010). *Intercultural family communication as a special type of communication*. Dissertation Thesis. Volgograd, 24 p. (In Russian).

Bortsov Yu. S. (2016). Socialization of children in nuclear families: problems of intra-family communication. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, no. 7, pp. 26-29. (In Russian).

Chebotnikova T. A. (2011). Social role and speech behavior of personality: invariant and variants. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 8, pp. 104-116. (In Russian).

- Davletbaeva D. N. (2012). *Typological modelability of phraseological transformations (based on the material of Russian, English, French and Turkish languages)*. Dissertation Thesis. Kazan, 45 p. (In Russian).
- Fedorov A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow, Astrel: AST, 878 p. (In Russian).
- Gerd A. S., ed. (2011). *The Great Academic Dictionary of the Russian language*. Moscow, St. Petersburg, Science, vol. 18, 772 p. (In Russian).
- Gerd A. S., ed. (2013). *The Great Academic Dictionary of the Russian language*. Moscow, St. Petersburg, Science, vol. 22, 744 p. (In Russian).
- Ivanyan E. P. (2021). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow, Flinta, 464 p. (In Russian).
- Krysin L. P. (1989). *Sociolinguistic aspects of the study of the modern Russian language*. Moscow, Science, 186 p. (In Russian).
- Murduskina O. V. (2015). Deformation of phraseological units as a means of actualizing the potential meaning of a word. *Almanac of Modern Science and Education*, no. 11, pp. 72-74. (In Russian).
- Nazarova T. B. (2022). Typology of types of communication: from traditional lines of differentiation to new relationships. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, no. 3, pp. 117-126. (In Russian).
- Nikovskaya L. I. (2006). Transformation in Russia from the point of view of conflict theory. *Sociological Research*, no. 9, pp. 79-85. (In Russian).
- Robustova V. V. (2023). Information variation in the structure of the proper name meaning. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 85-95. (In Russian).
- Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N. (2022). Coverage of family and demographic policy in the media: results of an All-Russian study. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: The Story. Regional Studies. International Relations*, no. 27, pp. 236-248. (In Russian).
- Timasheva L. V. (2017). Features of communication in the modern family. *Logos et Praxis*, no. 4, pp. 113-118. (In Russian).
- Zavrazhin S. A., Fomina M. M. (2021). Some manifestations of vindictive behavior in pedagogical discourse. *Integration of Education*, no. 25, pp. 273-287. (In Russian).

Сведения об авторе

Агафонцев Максим Сергеевич – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, agafontsev.m@psga.ru

Information about the Author

Maxim S. Agafontsev – postgraduate student of the Department of the Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching, agafontsev.m@psga.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 03.10.2024.